

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Л. Г. Герценберг. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. — Л., 1972. 274 стр.

Индоиранское языкознание находится на том этапе своего развития, когда некоторые положения и решения проблем требуют пересмотра или новой, более веской аргументации, а значит — новых, более глубоких исследований. К числу последних следует отнести рецензируемую работу Л. Г. Герценберга. Структура книги не отличается архитектурной стройностью и логической последовательностью, вместе с тем основные цели, которые автор ставил перед собой, очерчены довольно четко (см. «Введение», стр. 3—5). С одной стороны, различными средствами — обращением к лингвистической географии, реконструкцией элементов просторечной лексики, собранием формул сакрально-поэтического языка, восстановлением общего фонда корней и аффиксов — доказывалась большая близость иранских и индоарийских языков, требующая признания особого индоиранского праязыкового состояния, более позднего, чем общиндоевропейское. Тем самым эффективно подтверждается та точка зрения, согласно которой еще в начале XIX в. авестийский язык рассматривался как «диалект санскрита»¹. С другой стороны, делается попытка дать в распоряжение исследователей-этимологов наборы элементов — корней и формантов, составлявших исходный инвентарь индоиранской речи.

Л. Г. Герценберг категорически возражает против попытки Э. А. Макаева опровергнуть положение о близком родстве иранских и индоарийских языков²; вместе с тем автор принимает и развивает дальше поддерживаемую Э. А. Макаевым теорию преформантов³ и, по-видимому, во многом согласен с его критикой ларин-

гальной теории⁴. Столь же двойственно отношение автора к идеям Э. Бенвениста: излагая и во многом уточняя картину праиндоевропейских реалий⁵, высоко оценивая теорию композитов Э. Бенвениста⁶, автор, как и многие современные индоевропеисты⁷, отказывается от его теории корня.

Проблеме единства индоиранских языков посвящена гл. I (стр. 6—54). Наряду с общими выводами, которые вполне убедительны (этимологически единое разговорное койне, сакральный наддиалект⁸ и ряд других обстоятельств призваны обезоружить гиперкритический подход к идее индоиранского единства), в данной главе выдвигается ряд новых положений и идей. Важен отказ от реконструкции индоиранского сатемного сибиланта и постулирование для праиндоиранского тех же палатальных заднеязычных (*k̂, *ĝ, *gĥ), что и в индоевропейском (стр. 10—12). Установления подобного факта можно было ожидать после того, как было показано, что сатемная ассибиляция характеризует лишь отдельные ветви языков⁹; однако полный отказ от

⁴ Э. А. Макаев, Ларингальная теория и вопросы сравнительной грамматики индоевропейских языков, «Труды Института языкознания АН ГрузССР», 2, Тбилиси, 1957, стр. 55—74; его же, Структура слова..., стр. 136—151.

⁵ E. Benveniste, Le vocabulaire des institutions indoeuropéennes. I—II, Paris, 1969.

⁶ E. Benveniste, Fondements syntaxiques de la composition nominale, BSLP, 62, 1, 1968.

⁷ Э. А. Макаев, Структура слова..., стр. 151—184; O. Szemerényi, Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft, Darmstadt, 1970, стр. 90—94.

⁸ Ср.: А. В. Десницкая, Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка, Л., 1970, стр. 11—27.

⁹ Б. В. Горнунг, Актуальные задачи индоевропеистики в свете современных задач общего языкознания, ИАН ОЛЯ, 1960, 5.

¹ J. Leyden, Asiatic researches, X, London, 1808.

² Э. А. Макаев, Проблема индоиранского языкового единства, ВЯ, 1971, 3.

³ Э. А. Макаев, Структура слова в индоевропейских и германских языках, М., 1970, стр. 33—35, 265—273.

кентумно-сатемной классификации вряд ли оправдан: тенденции развития не менее важны для языков, чем статические изоглоссы¹⁰. В связи с рассогласованием данной проблемы приводятся факты, выявляющие реликты третьего ряда гуттуральных в древнеиндийском (стр. 12—13); здесь автор следует концепции И. М. Тронского, подерживавшего реконструкцию трех рядов индоевропейских заднеязычных¹¹.

Л. Г. Герценберг, по всей видимости, следует методологическому принципу, согласно которому история отдельных звуков отлична от истории фонологической системы: он предполагает (стр. 3, примеч. 2), что для индоиранского в системе фонем всегда входили *e* и *o*, хотя для древнего этапа несомненен переход и.-е. *e, o* → индоиран. *a*; тем не менее *e* и *o* могут быть найдены в ряде сансхитальных форм, в случаях выпадения и.-е. **s/z** и т. п.

В этой же главе на основе сопоставительного анализа ахуровской и дэвовской лексики Авесты при использовании новейших материалов (прежде всего хотано-сакских, а также новоиндийских по словарю Тэрнера¹²) реконструируется общепранское разговорное койне, в частности, его основные лексические группы: названия частей тела, животных, наиболее актуальные глаголы, бранные слова. Здесь же приводится ряд новых этимологий, заслуживающих особого рассмотрения. Автор отдает предпочтение полновесной, конкретной и принципиально проверяемой реконструкции, проводимой в рамках сравнительно-исторического метода, полагая, что порождающая фонология неэффективна, так как представляет внеисторическую, неполную и непроверяемую реконструкцию¹³.

В гл. II (стр. 55—76) на основании языковых данных восстанавливаются некоторые фрагменты индоевропейской «жизни», которой определялся и последующий индоиранский этап. Здесь вводится термин «протоглотофорной общности», обусловленный, вероятно, методологической осторожностью автора. Нам представляется, что этот термин удачнее двусмысленного термина «язы-

ковая общность» (объединение языков или объединение носителей языков?). Л. Г. Герценберг объясняет необходимость введения соответствующего нового понятия, обозначающего не объединение носителей языков и их свойств, а проекцию этих свойств, выявляемую лишь в пределах языковой реконструкции, подобно тому как археологическая культура или антропологический тип лишь в известной степени могут служить источниками для изучения реально доисторической этнической общности¹⁴.

Представляется, что выводы автора могли бы быть более содержательными, если бы он учел теорию агнатических классов А. Г. Перихания¹⁵. Интересная работа В. Лемана о профессиональных группах внутри третьего социального разряда лексики¹⁶, вероятно, не была доступна автору.

Этимологическая манера изложения и здесь дает себя знать: высказывается гипотеза о связи некоторых местоименных корней (например, **uis*) с обозначениями общественных групп (стр. 61—62), предлагается объяснение чередования **ali*/**ani* в известном индоевропейском местоимении (стр. 61, примеч. 10), модифицируются этимологии терминов родства, дается схема последних, в которой даже выделены реликты классификационной системы (стр. 67 и сл.).

В гл. III (стр. 77—127) после нескольких вводных экскурсов методологического порядка дается собрание формул индоиранского сакрально-поэтического языка, частично реально засвидетельствованных, частью реконструированных на основе предлажившихся рядом ученых сопоставлений.

В гл. IV (стр. 128—228) рассматриваются вопросы теории корня; приводится значительный статистический материал, касающийся начала и конца корня; дается список индоиранских корней. В этой главе также высказано немало новых положений. В связи со своей основной идеей — положением о разнообразии форм корней и разнообразии возможных членений — автор устанавливает корреляцию между известным принципом А. Мейе о звуковой структуре корня и так называемым законом Магнуссона¹⁷, за которым он видит древнее соответствие корня и слога. Здесь важно от-

¹⁰ См.: Вяч. Вс. Иванов, Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторического исследования индоевропейских языков, М., 1959, стр. 12—14; В. М. Жирмунский, Существовал ли «протогерманский» язык?, ВЯ, 1971, 3.

¹¹ И. М. Тронский, Общепранское языковое состояние, Л., 1967, стр. 24—36.

¹² R. L. Turner, A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages, London, 1962—1966.

¹³ А. С. Либман, Порождающая фонология: претензии и результаты, ВЯ, 1972, 6; В. Г. Адмони, Опыт классификации грамматических теорий в современном языкознании, ВЯ, 1971, 5.

¹⁴ См.: В. А. Виноградов, О реконструкции протоязыковых состояний, «Система и уровни языка», М., 1969.

¹⁵ А. Г. Перихания, Агнатические группы в древнем Иране, ВДИ, 1968, 3.

¹⁶ W. P. Lehmann, Linguistic structure as diacritic evidence on proto-culture, «Indo-European and Indo-Europeans», Philadelphia, 1970.

¹⁷ W. L. Magnusson, Complementary distributions among the root patterns of Proto-IE, «Linguistics», 34, 1967, стр. 17—25.

метить, что это вполне правдоподобное соответствие в сочетании с тезисом о возможности различного членения корня ведет к выводу о большой древности фонематического типа протоиндоевропейского.

В области исторической фонетики заслуживают внимания доказательства поликонсонантного анализа для индоевропейского (стр. 149). Попутно автор выявляет некоторые семантические закономерности, например, связь значений «мокрого», «облака» и *urina(re)* (стр. 152—153). Независимо от того, соглашались ли с автором или нет в данном конкретном случае, подобная разработка семантических законов — настоятельная необходимость как для индоевропейского и индоиранского в целом, так и для отдельных языковых ветвей и групп. Для глубокой реконструкции представляется перспективной подборка корней с антонимическим развитием значений (стр. 147)¹⁸.

В этой же главе содержится акцентологический этюд (стр. 160—174), в котором делается попытка объяснить возникновение акцентуации наложением морного ритма. Принципиально новым является установление апотонического этапа, предшествовавшего апофоническому и апотематическому, сущность которого заключалась в грамматическом и лексическом использовании чередования интонаций; на подобные же явления могло бы указывать и чередование *ei*, которое проследживает автор (стр. 157—158). Важны методологические выводы Л. Г. Герценберга, указывающего на сложность в реконструкции корней и видящего в этом препятствие для бесконечной реконструкции вглубь (стр. 175—179).

Список корней (стр. 180—228), несомненно, вызовет разнообразную критику, что объясняется всей сложностью индоиранской этимологической проблематики. Автор вполне сознательно (стр. 180) отказывается от полноты (отсутствует, например, *PTa*); между тем, список корней мог быть пополнен за счет ресурсов самой книги (список формул, глава о корнях и т. п.).

В целом гл. IV справедливо предостерегает против чрезмерной схематизации в области теории индоевропейского корня. Приводимый список корней во многом уязвим и требует дальнейшего совершенствования; тем не менее как первый опыт такого рода он будет полезен исследователям, которые смогут либо опираться на него, либо от него отталкиваться.

В последней гл. V (стр. 229—268) рассматриваются вопросы аффиксации и словосложения. Здесь разрабатывается ряд теоретических положений, из которых основных представляются следующие. Тернарная организация слова, при которой именные аффиксы генетически родственны глагольным, указывает на необходимость ре-

конструкции системы грамматических классов для древнейшего состояния. Типы композитов не обязательно должны находиться в корреляции с типами предложений, а могут продолжать весьма древние типы словосложения, возрождающиеся независимо от синтаксиса, — здесь автор полемизирует с довольно распространенной точкой зрения, согласно которой сложные слова являются коррелятами типов предложения¹⁹. Делается попытка выявить основные («сублогические») типы отношений, соединяющих единицы языка. Указывается на важность реконструкции в области морфологических категорий, без чего фонетическая реконструкция неспособна привести к восстановлению праязыкового состояния. Здесь же приводятся 1) список суффиксов с разработкой их значений; 2) система префиксов; 3) классификация композитов, которая и ведет к выделению упомянутых «сублогических» типов отношений.

Рекомендуемые автором этимологии не всегда могут быть признаны окончательными, но в ряде случаев интересны и заслуживают внимания. Приведем некоторые.

И.-е. **es* «быть» — к **ues* «проживать, ночевать» (стр. 145).

И.-е. оконч. косв. пад. мн. ч. *-bhis* — к др.-инд. *bhis* «средство» (стр. 258).

Авест. *dav* «говорить» — к сарыкольск. *ḍaw* «говорить во сне», и.-ар. **dhamm* «шум» (стр. 21).

Авест. *driwika* «вой», *ḍriwi* «пятно» — к и.-ар. **dribba* «пятно» (семантическое развитие: «пятнистый» → «шакал» и т. п., стр. 35).

Авест. *spiš-* «вошь» — к др.-инд. *pināṣṭi* «толочь» (стр. 28).

Авест. *sraska-* «слеза» < **sra-srk-* — к лит. *šlėkti-* «брызгать» (стр. 47).

Авест. *xvaniraḍa-* < **xvan-ira-ḍa* «земля Солнца» — к др.-инд. *irina-* «пустырь» (стр. 51).

Ср.-перс. суфф. *-ist-* (*dān-ist* «знал») — к **stā-* «стоять» (стр. 234).

Тадж. *Хучанд* «Ходжент» < **xvar-kan-ḍā-* «город Солнца» (стр. 51).

Шугн. *Pomēr* «Памир» < **pāra-mārga-* «верхняя граница» — к др.-англ. *māre* «граница» (стр. 48).

Др.-греч. *ἀγδος* «горшок» < др.-иранск. **vaγdu-* «голова» (стр. 23).

Греч. *χαβίαρτι* «икра, кавиар» < **kapi-darna* «рыбы зерна» (стр. 52).

Картв. *ḍlaqu* «локоть» (с преформантом) заимствовано из индоевропейского — к лит. *uoletkis, kelėnas* и т. п. (стр. 142).

Обращая внимание на случайность и фрагментарность приводимого сравнительного лексического материала, позволим себе сделать ряд замечаний по отдельным

¹⁹ W. P. Lehmann, Proto-Indo-European compounds in relation to other Proto-Indo-European syntactic patterns. AL, XII, 1, Copenhagen, 1969.

¹⁸ Ср.: В. В. Иванов, Хеттский язык, М., 1963.

утверждениям, этимологиям и сопоставлениям.

Значение «моль», приписываемое авест. *xrafstra*- и *spiš-* (стр. 28), неточно: *xrafstra* представляет собирательное название для всех вредных существ, насекомых, зверей, людей; *spiš-* в большинстве иранских языков означает «вошь».

Авест. *baēvar.pati*-означает не «тысячник», а «десятитысячник» (стр. 34).

Авест. *garəz-* «жаловаться» нельзя рассматривать как «дэвовский» термин; ср. Ясна 29.1: *gāuš urvā gərəždā* «жаловалась душа быка» (т. е. ахуровского существа).

Собственные имена некоторых осетинских эпических героев толкуются следующим образом: *Batradz* возводится к **Vārθ-rajā-*, *Todradz* — к **tāmstra-ja(n)*, *Satana* — к **švaita-tanvā-* (стр. 49—50). Поскольку при этом молчаливо игнорируются как данные исторической фонетики осетинского языка, так и реальный процесс формирования осетинского эпоса, достоверность этих этимологий минимальна.

Тадж. *oʻzan* «железо» (стр. 180) неотделимо от пехлевийского *āsīn* и несопоставимо с др.-иран. *ayah-*.

Перс. *ērmān* (стр. 184) означает не «руины», а «(незванный) гость».

Авест. *aurvant-* «конь» (стр. 182) имеет основное значение «быстрый» и должно быть отделено от др.-инд. *aruṣa-* «гнедой», авест. *auruša* «белый».

Др.-перс. *aṣuva-* «ужас» и осет. *appæ* «содержание» (стр. 182) не сопоставимы ни фонетически, ни семантически.

Осет. *iværzun* «обещать» (стр. 183) включает корень **bhergh-* «беречь; хранить» (нем. *bergen, Borg*) и к сакск. *balysa* «Будда» вряд ли имеет какое-либо отношение.

Сопоставление на стр. 183 тадж. *bel* «лопата» с осет. *byl* «отверстие» (точнее: «губа; край; берег») вызывает недоумение.

Авест. *baršaiti*, тадж. *бахшидан* «одевать» (стр. 184) предполагают корень ВНГ, а не ВНКС.

Сак. *ālsata-* «серебро» совершенно необоснованно отделяется от общеперс. **arzata-* (стр. 52).

Для др.-инд. *pur* «город» вместо надежного сближения с греч. *πόλις* предлагается сомнительное с греч. *πύργος* «башня» (стр. 89).

На стр. 185 следует объединить корни ВНУГ «спасать» и ВНУГ «освобождают».

Осет. *duy* «скачки» (стр. 185) имеет безупречную тюркскую этимологию, поэтому сопоставление с др.-инд. *daghnoī* «достигает» представляется по меньшей мере избыточным.

Осет. *dasyn* (стр. 186) означает не «есть», а «брить», перс. *durana* (стр. 187) — не «стрела», а «лук», осет. *ʒnyžyn* (стр. 189) — не «кусать», а «быть в состоянии брожения», осет. *ʒæzgun* (стр. 190) — не «жаловаться», а «стонать; болеть», осет. *awæz* — не «борона», а «борозда» (стр. 224), тадж. *гуро* — не «бык», а «вепрь; дикий кабан» (стр. 227).

Тадж. *гардиан* «крутить» восходит зако-

номерно к **wart-*, и.-е. **wert-*, а не GRTH (стр. 190).

Ормури *yund* «скрытый» приводится не под GUDH «покрывать», а под GNU «отрицать» (стр. 194).

Перс. *āgandan* «наполнять» может заключать только корень KAN, а не GHAN (стр. 194).

Корни GMBH «зуб; пасть» (стр. 189) и ĠMBH «открывать пасть» (стр. 192) следует рассматривать как варианты одного корня; осет. *ʒæmbyn* «зевать» относится к последнему и не требует особого прототипа ĠRMBH.

Согд. *yr'myū* «имущество» (стр. 194) и осет. *ʒærom* «лоша» (стр. 190) восходят оба к *grāma-*, и возводить их к разным корням, как это делает автор, нет необходимости.

Осет. *ʒæxs/æxsæ* означает не «дубинка» (стр. 194), а «шлеть» и заключает корень AG (**ag-s-*) «гнать», а не IK.

Непонятно, почему авест. *kaēt-* «думать» и *čit-* «думать» (две ступени огласовки одного и того же корня) оказались в разных гнездах (стр. 196). Неясно также, почему тадж. *бахшидан* в значении «одевать» возводится к ВНКС- (стр. 184), а в значении «прощать» — к KSD (стр. 198). Похоже на то, что автор видит здесь два разных глагола и второй из них делит *бахшид-ан* (а не *бахшидан*)!

На стр. 199 нет корня KSUDH «голод»; на стр. 202 авест. *datairō* дается как глагольная форма, следовало бы уточнить, какая. На этой же странице авест. *savahi-* «страна на востоке» и сакск. *svī* «завтра», авест. *sūrəm* «утром» без достаточных оснований оказываются в разных гнездах. То же самое следует сказать о названиях муравья (стр. 205 и 207), о др.-инд. *mivati* «двигать» (стр. 205 и 207), об осет. *ʒiʒyn* «трести» (не «швырять», стр. 224 и 225), об авест. *kaurva-* «облезлый» (стр. 200 и 204), среднеперс. *sargēn* (в тексте ошибочно *sargōn*) и новоперс. *sargīn* «навоз» (стр. 201 и 204), авест. *rāz-* «направлять» и осет. *arazyn* с тем же значением (стр. 214).

Осет. *syf* значит «лист», а не «корень» (стр. 203); осет. *mykkaq* значит «семя; род», а не «шлуг» (стр. 205).

Тадж. *молидан* «вытирать» правильно отнести к корню MRĠ (→ **mrz-* → *mrđ-* → *mal-*), а не MRD (стр. 206).

Авест. *ašmaoça-* «злоучитель» представляется, возможно, искаженное написание вместо **ahramauka-* (*ahra-* «злой», *mauk-* «учить») и не связано с др.-инд. *muhyaṭi* «смущаться» (стр. 207).

Непонятно, какое отношение имеет др.-инд. *raṇa* «звук» к среднеперс. *rān* «бедро» (в *rānpān*) (стр. 215)?

Осет. *luzā* представляет мн. число от *lux* «отрезанный» и не имеет значения «разрушение» (стр. 216).

Афр. *ana* «бабка» (стр. 217) относится к «детским» словам широчайшего распространения и не требует особой индоиранской этимологии.

Из каких источников извлечены осет. *inž* «леопард» или *syrd* в значении «змея» (стр. 217)?

Можно было бы указать еще на ряд погрешностей. Есть досадные опечатки, например, на стр. 19 осет. *сарун* «жить» вместо *сарун*; на стр. 22 осет. *хвӕнун* «есть» вместо *хвӕрун*.

Разумеется, в любой работе могут быть ошибки и опечатки. Но на этот раз количество их превысило допустимую «норму» и ложится тенью на все исследование. Создается впечатление, что книга делалась в большой спешке и для тщательной проверки привлекаемого материала у автора не хватило времени.

Необходимо особо отметить семантическое неправдоподобие многих приводимых сопоставлений. В одно гнездо попадают, например, такие значения: «встречать» и «отросток» (стр. 183); «вор» и «рана» (стр. 189); «украшение», «получать» и «начало» (там же); «желать» и «уходить»

(стр. 190); «грабить» и «холостой» (стр. 191); «начинаться» и «сметливый» (стр. 192); «волос» и «лапа» (стр. 197); «навоз» и «гладкий» (стр. 201); «брызгать» и «сыр» (стр. 212); «наслаждаться» и «челюсть» (там же); «ездить верхом» и «угощать» (стр. 217); «круглый», «прямь» и «петь» (стр. 218); «вешать» и «закон» (стр. 219); «стремиться» и «селезенка» (там же). Верно, что в семантической области нередки неожиданные сдвиги. Но если этот тезис возвести в принцип, не утруждая себя обоснованием каждого отдельного семантического сопоставления, то возникает смертельная опасность для самого существования этимологии как науки, так как полностью размывается граница между этимологическим исследованием и произвольными манипуляциями.

Недостатком рецензируемой книги является отсутствие указателей, которые именно в такой работе настоятельно нужны.

В. И. Абаев, Р. Х. Доджудоев

C. Newkowsky. Slowenische Akzentstudien. Akustische und linguistische Untersuchungen am Material slowenischer Mundarten aus Kärnten. — Wien Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1973. 273 стр.

T. Magner, L. Matejka. Word accent in modern Serbo-Croatian. — The Pennsylvania State University Press, 1974. 240 стр.

Обе рецензируемые книги посвящены одной основной задаче — проверить современными методами сущность тонального ударения в исследуемых языках, сербском и словенском. Эту задачу можно решать по-разному, а именно: можно выдвигать на первый план либо данные экспериментально-фонетические, либо данные восприятия, перцептивные. При этом, наряду с решением конкретных вопросов, возможна и фундаментальная постановка проблемы в целом, при которой исследователь решает, существуют ли в настоящее время функционально значимые противопоставления типов словесного ударения или это факт традиционной, уже устаревшей теории. В таких случаях существенно заранее принять решение о том, какие количественные данные, как перцептивные, так и акустические, показательны для решения вопроса о наличии или отсутствии в данном языке или говоре системных просодических оппозиций внутри слова. Принимая исходный тезис о существовании системы словесных акцентов в описываемом языковом материале, можно стараться дать полное, «фонетическое», описание всех способов реализации акцентных противопоставлений, а также описание иерархизованное, при котором один признак акцентного противопоставления объявляется ведущим, а другие считаются релевантными, избыточными, интегративными.

К последнему типу исследований относится экспериментальная работа Г. Невкловского, изучавшего виды реализации словесных акцентов в трех словенских диалектных группах. Материалом исследования служили записи жителей трех основных диалектных зон Каринтии: Юнталья, Розенталья (оба на юге Австрии на границе со Словенией) и Гайтальта (на юго-западе Австрии, на границе с Италией и Словенией). Информантам предлагались фразы на немецком языке с просьбой перевести их на словенский. Из изложения методики осталось неясным, каков был образовательный уровень и возраст информантов; известно только, что они носители двуязычия, но считают словенский язык своим родным языком, хотя знают его в различной степени (стр. 75). Внутри каждой диалектной зоны выбиралось место основного изучения и места повторных контрольных испытаний. Для получения электроакустических данных использовался сонограф; всего анализировалось 1600 сонограмм. Сегментный материал представляли речевые отрезки, произносимые при двух типах мелодики: законченного высказывания и мелодики незавершенности, прогрессивной. Именно прогрессивный тип был выбран в качестве типа восходящей мелодики потому, что в вопросительном предложении без вопросительного слова в словенском языке требуется вставка вопросительной частицы, что нарушает тож-